

ВЛИЯНИЕ СТОЛИЧНОЙ ПРАКТИКИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЗАСТРОЙКИ ЖИЛЫХ КВАРТАЛОВ ЯРОСЛАВЛЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920Х -1930Х ГГ.

А. В. Васильева

*Московский государственный строительный университет (МГСУ НИУ),
Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства
(Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ)*

*Москва, Россия
E-mail: VasilievAnna@bk.ru*

В статье последовательно проводится анализ принципов организации застройки в Москве, Ленинграде и Ярославле. Для московской практики сложение подходов к организации кварталов и распределению пятен жилой застройки прослеживается с первых генеральных планов реконструкции города до конца 1930-х годов. Для ленинградской практики выявлены и сопоставлены специфические подходы в застройке периферийных территорий во второй половине 1920-х годов и в конце 1930-х годов. Для ярославской практики показаны принципы распределения нового строительства по территории города. Выявлены основные композиционные приемы, тяготеющие к ленинградской или московской практике.

Ключевые слова: советская архитектура, жилой квартал, застройка, 1920-е, 1930-е, Москва, Ленинград, Ярославль.

Тема определения не только утилитарной, но исторической и культурной ценности массового жилищного строительства на всем пространстве Восточной Европы в последние годы приобретает все большую актуальность. Проблема реконструкции жилого фонда, возраст которого приближается к столетнему порогу, требует грамотного и взвешенного разрешения, учитывающего множество факторов. Подобные задачи привлекают внимание историков и архитекторов к изучению генезиса массового жилищного строительства. Особенно важным нам видится выявление специфики жилищного строительства не только между разными странами, но и между отдельными регионами и городами. В Москве, где разворачивается программа реновации, и в Петербурге, где так же остро стоит вопрос реконструкции периферийных городских территорий, подобные исследования должны помочь принять грамотные и взвешенные решения по регенерации территорий. Не менее актуально исследование специфики планировочной организации жилых кварталов довоенного времени и в Ярославле. При реконструкции исторических территорий и выделении участков под новое многоэтажное строительство необходимо учитывать специфику места и окружающей застройки. Только такой подход сможет обеспечить полноценное и поступательное развитие города, создание целостной городской среды, комфортной для жизни.

Уже в первые годы советской власти обеспечение жилищем населения стала одной из важнейших государственных задач. Ключевым принципом ее решения стало сосредоточение в руках государственных органов управления распределением жилым фондом и коммунальным хозяйством городов. Только централизованное управление и государственная собственность на землю могли сделать посильной задачу комплексной реконструкции городов. Система дифференциации застройки, а следовательно, и принципов организации жилого квартала была закреплена в Москве на уровне разрабатывавшихся с первого послереволюционного времени генеральных планов развития города – плане «Новая Москва». Уже в первых предложениях город был поделен на зоны, в которых регламентировалась высота и плотность застройки – от многоэтажного капитального строительства в центральных районах, до облегченного малоэтажного на окраинах. При этом основные объемы нового строительства предполагалось выносить именно в озелененный окраинный пояс. Исходя из заложенной в этом плане идеи дифференциации застройки можно сделать вывод, что параллельное строительство капитальных домов Красного города и малоэтажная застройка окраин позволили бы предоставить выбор жилища в соответствии с разными предпочтениями и возможностями. Несмотря на заказ этой работы Моссоветом, город не имел средств на реализацию даже малой части этих идей.

В период НЭПа на уровне генеральных планов развития города был сформирован и установлен принцип дифференциации застройки, который учитывал возможности привлечения разных источников финансирования. Такой принцип позволил бы более эффективно вкладывать государственные и частные средства в новое строительство, без помех комплексному гармоничному развитию города, как это происходило на дореволюционном этапе. Важным фактором для определения типологии нового жилищного строительства была и форма его финансирования. К середине 1920-х годов была сформирована развитая структура форм финансирования нового строительства, которая обусловила усложнение не только типологической линейки жилищ, но формирование специфических подходов к организации жилых кварталов.

В соответствии с ключевыми установками рационализации и укрупнения второй половины 1920-х годов, под строительство рабочих жилых кварталов отводились укрупненные участки в периферийных районах города, но со всеми подведенными инженерными коммуникациями. Первые жилые массивы состояли из отдельных сравнительно небольших участков, которые отдавались разным застройщикам, на которых возводились комплексы из 2–5 жилых корпусов. Такая практика объясняет отсутствие композиционной целостности внутри массива. При этом каждый отдельный комплекс имеет выраженные планировочные связи и целостную логику планировочного построения. Масштабно и эстетически отдельные комплексы складываются в общую застройку жилого массива. Увеличение площади участков в сочетании с требованиями уплотнения застройки обусловили поиски новых подходов к построению композиций кварталов. Первый путь заключался в усложнении конфигурации корпусов – появлялись П-, Г- и S-образные корпуса, примыкающие друг к другу под острыми или тупыми углами. Вторым путем заключался в усложнении композиции застройки квартала при увеличении количества корпусов простой конфигурации. В этом варианте наибольшее распространение получила взаимно перпендикулярная постановка групп из нескольких параллельно стоявших корпусов с образованием открытого центрального пространства и оформленных внутриквартальных проездов. В начале 1930-х годов вследствие урезания объемов финансирования гражданского строительства наблюдался переход к исключительно строчной застройке кварталов типовыми корпусами предельно простой прямоугольной конфигурации.

С 1932 года застройка жилых массивов была остановлена, основные объемы капитального строительства производились исключительно в центральных частях города. Для нового строительства выделялись участки, достаточные для строительства всего одно или двух секционных жилых домов. Дома ставились преимущественно по красной линии улицы, образуя парадный фронт застройки. Внутри участка находилось небольшое дворовое пространство. При комплексной реконструкции магистралей крупным заказчикам под застройку выделялся ряд соседних участков. Проекты при этом никак не согласовывались друг с другом, в результате чего получалась пестрота застройки, вызывавшая в свое время резкую критику. С целью преодоления пестроты застройки во второй половине 1930-х годов произошло укрупнение масштаба строительства. Нескольким застройщикам выдавался крупный объединенный участок, который застраивался протяженным корпусом с единым фасадом. Жилая площадь при сдаче дома выдавалась пропорционально. В конце 1930-х годов появилась иная схема застройки парадного фронта жилого квартала, направленная на создание его более масштабного образа и живописного силуэта. Строительство велось отдельными корпусами, но на основе единого типового проекта, что обеспечивало, с одной стороны, необходимую композиционную дробность, а с другой – масштабную целостность. Но внутренние части кварталов на всем протяжении 1930-х годов имели функцию исключительно дворовой территории, не получая необходимой архитектурной проработки и осмысления. При выделении участков большой площади, достаточной для возведения нескольких корпусов, внутренние части кварталов отводились под вторую очередь строительства и в итоге так и не находили реализации. Уже в послевоенное время на свободных территориях этих кварталов могла проводиться застройка, но уже в совсем иной композиционной логике.

В Ленинграде некоторое оживление гражданского строительства в послереволюционный период началось лишь в 1924–1925-м гг. При сохранении неприкосновенной очень

плотной застройки центральных районов новое рабочее строительство выносилось на окраины города к крупными промышленным предприятиям. Отсутствие сложившейся планировочной структуры и необходимость предоставления жилищ большому числу рабочих обусловила значительно более крупные, чем в Москве, участки нового строительства с возможностью организации их правильных планировочных композиций.

Первое более-менее масштабное жилищное строительство в Ленинграде началось в 1925 году. В основу планировочной структуры первых жилых кварталов был положен сформировавшийся в поисковом проектировании нескольких предыдущих лет прием расстановки жилых корпусов вокруг центрального озелененного пространства. Новая жилая застройка формировала целостную композицию не только одного застраиваемого квартала, но и значительного отрезка улицы, вдоль которой располагались соседствующие строительные участки. Протяженность фронта застройки составляла в среднем 300 метров, а средняя площадь строительного участка составляла 4–6 га. Первые массивы состояли из корпусов из 3–4 жилых секций. И площадь выделяемых под новое строительство участков, и кубатура отдельных корпусов в Ленинграде были существенно выше московских показателей. Особое внимание архитекторы уделяли формированию композиционно целостного фронта застройки вдоль улицы. При этом своё композиционное значение имели и внутриквартальные проезды, дворовые пространства, создающие необходимую глубину всей композиции. Характерным для Ленинграда архитектурным элементом была арка, способствующая взаимопроникновению дворового и уличного пространств.

Наличие крупных развивающихся предприятий тяжелой промышленности в Ленинграде определило продолжение практики возведения крупных жилых массивов капитальных многоэтажных жилых домов для рабочих и в период первой пятилетки. Под влиянием установок на укрупнение строительства площадь выделяемых участков увеличилась, увеличилась и кубатура жилых домов. К началу 1930-х годов жилые корпуса состояли в среднем 7 секций, но существует пример и 25-секционного жилого дома. Конфигурация строений была довольно проста. Под влиянием задач удешевления строительства при увеличении объемов вводимой в эксплуатацию жилой площади изменились подходы к организации композиции жилых кварталов. Первым путем была строчная застройка всего участка типовыми корпусами предельно простой прямоугольной конфигурации. Корпуса были поставлены параллельно друг другу, вследствие чего не получалось функционального разделения внутриквартального пространства. Для удешевления строительства в квартирах не устраивалось кухонь, общедомовые хозяйственные блоки выносились в отдельный пристроенный к жилому корпусу объем. Вторым путем было композиционное усложнение застраиваемого участка корпусами простой конфигурации с целью получения максимальной плотности застройки. На просторных участках без выраженного рельефа создавались масштабные геометрические композиции, представляющие собой систему дворовых пространств. Композиционным и функциональным их ядром были блоки культурно-бытового обслуживания.

В середине 1930-х годов наиболее знаковые объекты представляли собой комплексы с развитой объемно-пространственной композицией, занимавшие значительную долю площади жилого квартала. Эти объекты возводились в сложившихся частях города, но без плотного соседства, на участках довольно сложной конфигурацией. Все объекты должны были стать новыми композиционными доминантами, достойно вписавшись в имеющееся окружение. При этом композиции комплексов, несмотря на развитое объемное решение, тяготели к периметральному характеру застройки участка. Внутри комплексов организовались площадки для отдыха и общения жителей с малыми архитектурными формами и элементами благоустройства, характер которых соотносился с архитектурой жилых корпусов. Элементы культурно-бытовой инфраструктуры встраивались в нижние этажи корпусов, а потому влияли на архитектуру фасадов комплексов, но не на структуру кварталов. Таким образом, композиционная организация жилых комплексов начата второй пятилетки восходила скорее к принципам по-

строения крупных дореволюционных доходных домов-комплексов, нежели к идеям свободной постановки строений на участке периода авангарда. Такая замкнутость композиции, несмотря на доминирующую роль жилых комплексов в формировании образа местности, отражала закрытый характер заселения по социальной и профессиональной принадлежности.

В середине 1930-х годов наблюдалось изменение принципов распределения участков для нового строительства. Из районов с относительно свободной застройкой и возможностью выделения укрупненных участков, основные объемы нового строительства были перенесены в центральные районы с высокой плотностью застройки. Новые дома плотно встраивались во фронт улицы.

В конце 1930-х – начале 1940 годов в Ленинграде под новое строительство, в том числе и жилищное, вновь стали отводиться участки увеличенной площади на периферийных городских территориях. Но в отличие от практики рубежа 1920–1930-х годов эти зоны нового строительства должны были формировать новые парадные магистрали, прокладываемые на неосвоенных территориях. Комплексное освоение свободных пространств позволило архитекторам работать не в масштабе одного квартала или фронта магистрали, а в масштабах целых районов, создавая композиционно связанные системы новых кварталов. Во второй половине 1930-х годов, после декларативного установления курса на освоение архитектурного наследия в сочетании с созданием парадных ансамблей, в ленинградской практике наблюдалось доминирование типа периметральной застройки.

В 1925–1927 годах в Ярославле началось планирование первого капитального многоэтажного строительства. Первым кварталом многоэтажных квартирных жилых домов является Бутусовский поселок, строительство которого велось в 1927–1929 годах (процесс его проектирования и строительства описан в трудах Н. С. Сапрыкиной [8]). Он состоит из равномерно расположенных по всей территории небольших комплексов в форме каре. Внутри каждого образуется уютное дворовое пространство. Фронт улиц формируется протяженными фасадами. Композиционная замкнутость частей, из которых состоит это жилое образование, тяготеет к московской школе этого периода. Но, несмотря на равномерность и некоторую механистичность этой застройки, она все-таки имеет общую композиционную ось в виде озелененной аллеи, пересекающей поперёк весь квартал. На эту ось раскрывается большинство дворовых пространств. Аналогичный принцип застройки использован и в небольшом квартале вдоль Большой Октябрьской улицы.

Наиболее крупным и значимым жилым комплексом рубежа 1920–1930-х годов является частично реализованная застройка соцгорода ЯРРАК (история его создания также подробно описана в трудах Н. С. Сапрыкиной [9]), расположенная в самом начале проспекта Ленина. Первые очереди строительства осуществлялись протяженными корпусами с квартирами двух типов: боковые крылья имели обычные квартиры, а центральные части представляли собой общежития по коридорной системе. Несмотря на новаторство градостроительной задачи – создание образцового соцгорода, подходы к организации застройки достаточно традиционны: протяженные корпуса расставлены вдоль главной магистрали, центральная часть которой представляет собой широкий бульвар. Западающие центральные части корпусов создают некую пульсацию уличного озелененного пространства (подчеркнем, что его центром опять является озелененное пространство). Геометрические центры сторон кварталов имеют свои композиционные акценты: здесь использована строчная постановка корпусов. Протяженные фасады уведут взгляд зрителя вглубь озелененного пространства квартала, в котором были запроектированы жилые корпуса, детские учреждения и элементы благоустройства. То есть этот подход к комплексной организации территории уже ближе к ленинградской школе.

Появились в начале 1930-х годов в Ярославле и небольшие кварталы строчной застройки. Дома были построены из крайне дешевых материалов, но своими деталями пытались имитировать «настоящую» архитектуру (декоративные лопатки и наличники окон сделаны из камышита). На первый взгляд корпуса поставлены равномерной строчкой. Но и здесь при внимательном рассмотрении можно выделить центральную композиционную ось, представ-

ляющую собой расширенное озелененное пространство. Хотя архитектура жилых корпусов на него никак не реагирует: входы в подъезды всех корпусов расположены с одной стороны.

В соответствии с установками в 1930-х годах основные объемы нового капитального строительства в Ярославле возводились в центральных районах. Производилось оно преимущественно на месте пустырей или ветхой малоценной застройки, снесенных культовых объектов, так как строительство на месте эксплуатируемых жилых домов потребовало бы дополнительных затрат на расселение проживающих.

В непосредственной близости и в композиционной связи с вышеупомянутым кварталом строчной двухэтажной застройки находится один из первых в Ярославле домов для специалистов (проспект Октября, 34), который вписывается уже в парадигму строительства улучшенного качества и повышенного комфорта середины 1930-х годов. Такая географическая близость усиливает контраст между объектами жилищного строительства первой и второй пятилетки. Этот жилой дом с трех сторон охватывает периметр занимаемого им квартала, что приравнивает его кубатуру к суммарной кубатуре жилых комплексов. Центральная вогнутая часть (прием, характерный для Ленинградской архитектуры первой половины 1930-х годов) формирует просторную площадь перед ней. Композиция фасадов строится на равномерном ритме ровных полуколонн и контрасте широких горизонтальных лент, визуальнo связывающих это здание с соседним кварталом. Характерными частями этого здания являются и треугольные эркеры – излюбленный прием ленинградского архитектора Г. А. Симонova, который он активно применял в своей практике рубежа 1920–1930-х годов [3]. Таким образом, этот пример восходит скорее к ленинградской школе.

Участки под новое строительство в центральных районах выделялись вдоль красных линий улиц, преимущественно с угловой постановкой, что позволяло формировать сразу некий градостроительный узел. Но если в Москве такой принцип позволял прятать неприглядную средовую застройку, не соответствующую столичному статусу, то в Ярославле он позволял беречь уникальные храмы и окружающую их низкоэтажную малоплотную застройку, характерную для этого города. Если московские архитекторы стремились как можно плотнее закрыть внутреннее пространство квартала, то в Ярославле наоборот – оставались разрывы между домами или устраивались арки, которые образовывали новые ракурсы на памятники. Новые дома были высотой 3–4 этажа, что позволяло как формировать фронт застройки нового масштаба, что сразу выделяло архитектуру советского периода от дореволюционного, но, в то же время, не создавало немасштабных диссонансов с исторической малоэтажной средой. Таким образом, если в Москве жилая застройка 1930-х годов играла роль парадной ширмы, то в Ярославле она скорее являлась новой надежной «коробочкой», в которой сохранялось ценное историческое содержимое.

Хрестоматийным примером подхода к организации жилого квартала в центре Ярославля, где сохранились особо ценные памятники архитектуры, является комплекс жилых домов в Народном переулке, 2, возводившийся в 1936–1938 гг. по проекту арх. Дубовского. Жилые дома бережно обходят жемчужину ярославской архитектуры – храм Николы Надеина. Оба корпуса имеют высоту в три этажа с незначительным повышением угловой части плоским парапетом. Благодаря удачно найденным пропорциям и деталям этот комплекс вписывается и в застройку 1930-х, и в историческую застройку этого места без создания перегруженных композиций. Композиционная ось комплекса раскрывает лучший вид на памятник, а используемые автором арки создают интересные ракурсы, визуальнo объединяя старую и новую архитектуру. Иными словами, архитектор стремился к созданию целостного ансамбля, внутреннее пространство которого не менее ценно, чем его уличный фасад.

О стремлении архитекторов, работавших в Ярославле во второй половине 1930-х годов, к созданию целостных ансамблей жилых кварталов свидетельствуют последние довоенные очереди строительства соцгорода ЯРРАК. Жилой дом на ул. Советской, 74 был построен по проекту Н. В. Баранова (ленинградского архитектора) в 1938 году. Доминантой фасада является гигантская арка (характерный для ярославской архитектуры этого этапа элемент), раскрывающая внутреннее пространство квартала. Четко по оси этой арки расположен детский сад для детей жителей этого дома, с выступающей далеко вперед полуротондой веранды.

Соосное расположение ротонды и арки способствует связыванию комплекса из двух строений с разными функциями в единое композиционное целое. Этой связи способствуют и декоративные элементы – небольшие концентрические квадратные наличники. Таким образом, и в этом примере наблюдается стремление к композиционной и архитектурной взаимосвязи внутриквартального пространства и улицы – тенденции, характерной для ленинградской практики тех лет.

Итак, в организации жилых кварталов в Ярославле в 1920–1930-х годов можно выделить три этапа:

– первый этап (1927–1929 гг.) характеризовался созданием замкнутых равномерно расставленных комплексов, но при наличии главной оси представляющей озеленённую аллею или пространство;

– второй этап (1930–1934 гг.) характеризовался упрощением характера застройки – периметральной или строчной, но с обязательным наличием центральной композиционной оси в виде озелененного пространства. застройка раскрывается вглубь квартала, но не получает выраженного композиционного завершения.

– третий этап (1935–1940-гг.) характеризуется созданием целостных комплексов и ансамблей. застройка располагается преимущественно по периметру квартала, но при наличии главной композиционной оси, раскрывающейся на внутриквартальный объект. Это может быть как особо ценный памятник, так и элемент жилого образования. Эти приемы являются прямым отражением ленинградской школы этого периода.

В результате можно заключить, что в композициях построения жилых кварталов прослеживается влияние как московской, так и ленинградской школ, но с большой долей местной специфики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Косенкова, Ю. Л. Градостроительные аспекты жилищного строительства в СССР: 1920–1950-е гг. / Ю. Л. Косенкова, Г. Н. Яковлева // Массовое жилище как объект творчества. Роль социальной инженерии и художественных идей в проектировании жилой среды. Опыт XX и проблемы XXI века / отв. ред. Т. Г. Малинина. – М., 2015. – С. 198–228.

2. Старостенко, Ю. Д. Представление об ансамбле в советской архитектуре 1930-х гг: теория и практика (на примере Москвы и Ленинграда) / Ю. Д. Старостенко // Academia. Архитектура и строительство. – 2016. – № 2. – С. 35–40.

3. Архитектура ленинградского авангарда [Текст] = Leningrad avant-garde architecture : путеводитель / Б. М. Кириков, М. С. Штиглиц ; под общей редакцией Б. М. Кирикова. – Изд. 4-е, с изм. – Санкт-Петербург : Коло, 2018. – 311 с.

4. Старостенко, Ю. Д. Разработка и реализация проектов реконструкции городов СССР в 1930-е годы и судьба наследия на примере Нижнего Новгорода и Ярославля / Ю. Д. Старостенко // Архитектура. Строительство. Дизайн. – 2015. – № 3 (80). – С. 50–57.

5. Сапрыкина, Н. С. Особенности развития архитектуры Ярославля в советский период времени / Н. С. Сапрыкина // Вестник гражданских инженеров. 2006. – № 3 (8). – С. 16–20.

6. Васильева, А. В. Жилой массив как самостоятельный вид жилой застройки первой трети XX века / А. В. Васильева // Культурное наследие России. – 2018. – № 2. – С. 59–65.

7. Васильева, А. В. Композиционные приемы в организации жилых кварталов Ленинграда 1920–1930-х годов / А. В. Васильева // Наука, образование и экспериментальное проектирование. Труды МАРХИ : Материалы международной научно-практической конференции 8–12 апреля 2019 г. — М. : МАРХИ, 2019 – С. 371–375.

8. Сапрыкина, Н. С. Первые жилые комплексы для рабочих Ярославля в конце 1920-х – начале 1930-х годов / Н. С. Сапрыкина // Социальные и гносеологические проблемы общества: Сб. науч. тр.: Вып. 2. – 2006. – С. 292–297.

9. Сапрыкина, Н. С. «Соцгород Яррак» в Ярославле и этапы его формирования / Н. С. Сапрыкина // Вестник Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета – 2006. – № 6. Строительство и архитектура. – С. 169–174.

10. Сапрыкина, Н. С. Архитектура Ярославля 1930-годов. Жилые «дома с арками» / Н. С. Сапрыкина // Вестник гражданских инженеров. – 2007. – № 1 (10). – С. 9–14.